

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ, СЛИШКОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Спектакль по пьесе Джорджа Табори «Mein Kampf» в Театре имени Максима Горького в Берлине

Режиссерская работа — 1999 — 1 июля — с. 7

Артур Соломонов

В ТУСКЛЫХ, убогих комнатах венского общежития не мог не появиться этот нескладный человек из австрийского захолустья. «Великий сын немецкого народа», которого играет Гети Шуберт, возникает на лестнице, стоящей в глубине сцены. Пугливо озирается. Замечает двух человек, присоанивается, делает первый гордый шаг и кубарем скатывается вниз. Задачу, поставленную драматургом, — лишить образ Адольфа Гитлера inferнальности, актер выполняет с художественным тактом, не впадая в карикатурность.

Головокружительный взлет будущего фюрера и его чудовишные преступления впереди. Мы видим жителя захолустья, глубоко смущенного блеском и сложностью столичной жизни. Акцент австрийского провинциала вызывает улыбки у берлинцев, сидящих в зале. Гитлер даже симпатичен своей неказистостью, постоянным несопадением с ритмом и смыслом происходящего. Он снисходительно ухмыляется, когда речь заходит о женщинах. Страшно смущается, теряет дар речи перед юной Гретхэн (Гундула Кёстер). Запуганность вдруг сменяется петушиным задором. Героических усилий стоит ему чистка ботинок. Через всю сцену мчится он за тубиком с кремом, то залопзая под кровать, то чуть не взлетая к потолку.

Такая подача образа Гитлера, наносит удар по «божему избраннику», страдающему запором, приближает его к нам и дает возможность взглянуть в человеческую сущность того, чьи деяния заставляют видеть в нем то зверя, то безумца, то чуть ли не самого сатану.

Родные венгерского еврея Джорджа Табори были уничтожены в лагерях смерти. В программе он пишет, что, отринув чувство ненависти, он хотел взглянуть на первую жертву Гитлера — самого Гитлера. В биографиях Гитлера, написанных историками, нередко обсуждается вопрос — насколько применим к немецкому фюреру в нравственном и личностном плане эпитет «великий». Остроумие Табори, неожиданность его взгляда на фюрера, блестящее мастерство Шуберта и режиссерское умение Лангхоффа придать спектаклю живой темп и лукавство фарса сливаются в стилистически единую постановку, дающую свой, отнюдь не бесспорный ответ на этот вопрос.

Здесь, среди унижений и насмешек, в грязном общежитии, Гитлер впервые примеряет жесты и позы, которые загипнотизируют целую нацию. В столкновении с Гретхэн, со своими соседями Герцлем (Клаус Манчен) и Лобковицем (Альберт Хеттерль) выявляется глубокая ординарность его личности. Все в нем тривиально и убого, нет ни блестящих достоинств, ни чудовишных пороков. Возможно, эта всецелая принадлежность толпе и делает его фюрером. Его исключительность — в исключительной банальности.

Шуберт, используя комические краски для выражения таких черт Гитлера, как постоянное чувство угрозы, готовность к истерическим всплескам, мучительное ощущение своей неполноценности и жажда власти, показывает этого человека как бы средоточием страхов и комплексов своего времени. Когда еврей Герцль из жалости к этому обойденному любовью существу мочет ему ноги, Гитлер впервые упинаясь ролью властелина. Герой Клауса Манчена, словно боясь нарушить тайные

жизненные связи, движется мягко, говорит тихо. А рядом суетится Адольф Гитлер, готовый все осквернить своим прикосновением. Герцль, чувствуя к Гитлеру необъяснимую симпатию, во всем помогает ему. Табори дает этому герою фамилию основателя политического сионизма Теодора Герцля, мечтавшего о создании еврейского государства. Это имя, несущее за собой шлейф определенных ассоциаций, усложняет сценическую реальность.

Нарушая естественный ход событий, на сцене появляется Смерть. Вновь то, что представляется абстрактно ледяным, обрастает в спектакле живыми мелочами, смешными подробностями. И образ Смерти, как и образ Гитлера, оказывается по-домашнему внятными, лишенными тайны. Смерть избирает Гитлера своим ближайшим помощником.

К финалу действие движется все стремительнее. Пространство сцены углубляется. Слышны раскаты марша. Жесты актеров становятся резче, речь суше. Готовится первое насилие. Гретхэн обдадут коричневой краской, а курицу Миззи, любимицу Герцля, убивают и на его глазах разделяют со сладострастными комментариями. Затем убитую курицу вешают на железные цепи. И ребята в коричневых рубахах со смехом перебрасывают ее из одного конца сцены в другой. Вскоре Гитлер, Смерть и brave парни покидают сцену.

Немецкие спектакли редко бывают насыщены пафосом и возвышенным жестом. Спектакль о том, кто называл себя «величайшим актером Европы» и создавал грандиозные по размаху и знанию массовой психологии постановки, конечно, лишен пафоса и даже намека на торжественность и монументальность. — словом, все-

го, что связано с понятием героического. Следуя за драматургом, режиссер высмеивает Адольфа Гитлера.

Все же только улыбки, то саркастической, то добродушно-прошающей, недостаточно для разгадки явления, каким был Гитлер. Достоинство пьесы Табори оборачивается недостатком. Он взял историческую личность и наделил ее характером своего соседа. На вопрос, почему Смерть избрала именно этого нелепого и смешного, Табори отвечает: случайность. По существу, Табори сделал с образом Гитлера то же, что Толстой сделал в «Войне и мире» с образом Наполеона. Тайна отношения вождя и народа разгадывается с помощью понятия случайности, непостижимой игры судьбы, а сам вождь награждается только комическими чертами. За подобным изображением Гитлера, любопытным с точки зрения художественного эксперимента, скрывается отчаяние ума перед колоссальным историческим явлением.

Чертовщина вновь сгущается: помимо воли авторов спектакля: ведь такой шут держал в страхе почти весь мир. Здесь коренное противоречие пьесы, не разрешенное спектаклем. Inferнальность и непостижимость этого явления с наибольшей силой обнаружилась, именно когда Гитлер оказался сброшен со всех пьедесталов и предстал как маленький озлобленный человек. Показав «человеческое, слишком человеческое» нутро Адольфа Гитлера, театр выполнил увлекательную художественную задачу, оставив неразгаданной в контексте пьесы глубинную связь этого человека с одной из самых крупных трагедий нашего столетия.

Берлин—Москва